

Уважаемый читатель, прошу обратить внимание, что рассказ идёт от трёх лиц. Персонах Ника, малограмотная девушка, поэтому в повествовании от её лица много ошибок.

Прошу не снижать оценки из-за этого.

Павел.

Сегодня мои девушки поехали в Р-во за вещами Веры. Рассчитали, что за сутки должны обернуться. Выполнив все домашние и мотельные работы, я взялся читать письма с фронта. Большинство состояли из нескольких строк-отчётов. «Жив-здоров. Чего и вам желаю. Люблю! Жду привета...». Я раздумывал о таких письмах. Что чувствовал писавший его воин? Вернее, чтобы Я САМ чувствовал, сочиняя письмо. Вот допустим мама и Вера тут, в Гнезде, а я на передовой. Да, первое о том, что я жив. Хотя это абсурд — мёртвые письма не пишут, но он видимо исходит из какого-то прошлого. Наподобие того как слово «живот» означает жить. О здоровье я возможно привру, если ранен. Мне ведь неохота пугать любимых. Если при этом затащить в битве, то напишу побольше. О том, как скучаю, о снах в которых они ласкают меня.

А если наступление или отступление, когда нет времени на писанину, то да, вот так кратко. И вот в этих нескольких фразах квинтэссенция любви. Потому что ИСТИНА!

Были письма и подлиннее — два, а то и три листа. Часто это были воспоминания о мирной жизни... Я опять задумался. Для чего солдат пишет о том, что и так знают родные? Я бы написал? Не нашёл правильного ответа. Начал читать другие. В них описываются страдания людей, которые жили под гнётом врага, солдат так и пишет: «Это хорошо, мои родные, что вы далеко от фронта. Вы не слышали грохота снарядов, летящих с обоих сторон фронта. А детишки и женщины того селения, которое мы освободили, попали что называется под молот и наковальню. Они от ужаса не понимали или не помнили кто мы такие!»

Я нашёл правильный ответ на свой вопрос — почему солдат пишет о своих воспоминаниях — он желает не забыть тех мирных часов, лет. Ведь каким бы храбрым не был солдат, но и он сойдёт с ума от грохота, вырывающих тонны грунта, снарядов.

Если в начале разбора я хотел отделить и выкинуть краткие письма, а длинные оставить, то по окончании решил, что они мне понадобятся. Не скоро. Лет так через десять-пятнадцать. Они будут пособием рассказать моим детям, что значит любить.

Аккуратно свернув их по старым линиям, упаковал в коробку. Теперь фотографии. Вероятно, эти люди мои родственники. Лишь на некоторых видна дата снимка. Самый старый из датированных — 1895-го года. Две женщины с детьми на руках и трое мужчин. Один из них седобородый — видимо отец кого-то из присутствующих на снимке.

Если судить по старению снимков, то здесь были и более старые фотографии. Надо будет порасспросить маму об этих людях, может она знает кого-то. Были здесь и свежие фотографии. Как опять же фронтовые, так и послевоенного времени. На обороте одного из снимков фразы на непонятном мне языке, хотя написано кириллицей. Понимаю, что это на каком-то местном языке. Сначала хотел отложить снимок, но желание узнать, о чём писал солдат с фронта, пересилило меня. Настроил ноут. Полчаса поисков, и я начал вбивать в транслит незнакомые слова. Машинный перевод требовал доработки разумом. С литературой я очень в близких отношениях, поэтому довёл перевод до приятного прочтения. Всё также

говорится о жизни, здоровье. И вот загадочная фраза: «Как станет худо, вспомни о нужнике!», которая вылезла из основного контекста, не поддавала обработке моим разумом. Ладно, думаю, давай обратный перевод с русского на пермяцкий. Получил такую же фразу как в оригинале. Значит перевод правильный.

На снимке солдат. Если судить по форме, то солдат второй мировой, до 1943-го года. Я знаком с историей — погоны в Красной Армии ввели в том году. Посмотрел свою отметку, из какого дома я принёс это фото. Из дальнего от нас дома.

Это что так раньше шутили? Типа приспичило — сходи покакай! Чушь какая-то. Откладывая фотографию в стопку. Затем опять беру в руки. Этот снимок положил себе в карман футболки. Надо расспросить маму.

А вот и она звонит. Говорит, что доехали нормально, уже собрали вещи Веры, завтра с утра пораньше выедут.

Кто-то сигналит. Надо ставить предупредительный знак, что свободных мест нет.

Выхожу на улицу. Это свои — Николай и Ника. Едут гружёные в Сибирь.

— А где наша Вера? — Практически синхронно спрашивают меня родственники.

— Была ваша, стала наша. — Я жму руку Фомичу, целую в щёку Нику. — Она с мамой поехала за своими вещами.

— Пустишь нас переночевать? — Спрашивает Фомич.

— Как я могу не оказать честь отцу своей жены и её сестрёнке. Спать будете в этом доме — другие заняты.

— Да мы и видим, что везде свет в окнах. — Ника уже обняла меня за плечо, жмётся по-родственному.

— Баню растопить? Или в душевой помоешься? — Гостеприимство моё второе «Я».

— Не, мы так, в душе. — Ника всё ещё жмётся ко мне.

Мы прошли в дом, Ника достала из сумки свежее бельё — вот кто игнорирует скромность. Я начинаю готовить угощения, слушаю рассказ о поездке на Кавказ. О том, как там уже во всю цветут сады.

Ника возвращается к нам, Фомич в свою очередь также берёт протянутые Никой трусы и шорты. А она сообщает, что уже десятый день как не курит. Потом она вспоминает, какую жуть видели на дороге — авария, случившаяся за день до того, как они подъехали к тому месту.

— Два сгоревших автобуса. Вещи, шмотки так и валяются по обочинам. Щас схожу в машину, чо-то покажу.

Свояченица срывается из-за стола. Через минуту возвращается, несёт с собой коробку.

— Это конечно неправильно подбирать вещи возможно погибших людёв, но ведь кто-нить забрал б. Что это? Знаешь? Папа сказал на мину... искатель смахивает.

— Да, это и есть миноискатель. Хорошего качества, между прочим. — Сказал я, осмотрев содержимое, и пробежавшись глазами по параметрам, указанным на упаковке. — До сорока сантиметров сканирует. Указывает какой металл находится в зоне поиска. Сейчас поужинаем, а потом сходим в огород, просканируем его на наличие слитков золота, брусков серебра.

— Ага, прям погреб с сокровищами! Обломок от железной лопаты можа найдёшь.

Вернулся мужчина. Я предложил водки.

— Да, можно с устатку, остограммиться. — Фомич кивнул на коробку. — Стоящая вещь?

— Да, для увлечённых кладоискательством. Для специалистов инженерных сетей.

— Теперь дело за мизером — показать где спрятан клад. — Фомич оказывается обладает большим лексиконом чем Ника.

— Ага. И даже зная такое место, нужно знать глубину тайника. Этот прибор всего лишь на сорок сантиметров пробивает грунт. Для большей эффективности нужен георадар.

— Зря значит тащили игрушку. — Ника почесала затылок. — А продать её можно? За скока?

— «Скока» не знаю, нужно поискать. И если такие вещи выпускаются, значит — продаются.

— На хера её мучиться, продавать. Забери себе. — Сказал тесть, опрокинув рюмку водки в рот.

— Спасибо. Как мама говорила — этому поселению около ста лет. Может найду кем-нибудь потерянную безделушку.

Мы ещё пару часов поговорили на разные темы, а потом я начал раздумывать куда положить Фомича и Нику. Хоть я и знал о их близости, но показывать своё знание не хотел даже Вере. Фомич и Ника тоже решили не раскрываться.

— Я пойду спать в машину, а ты Ника...

— Нет. Пап, у тебя спина больна. В машине буду спать я.

На том и порешили. Утром постояльцы начали съезжать, мне нужно было пожелать им счастливого пути, просить рекламировать наш мотель. Когда вернулся в дом, Ника уже подготовила завтрак. Фомич брился.

— Девчата вернутся часикам к пяти-шести. Может дождёться их?

— Дождёмся. Мы и так две недели считай на колёсах, можно денёк передохнуть. — Сказал тесть. — Тебе чем-нибудь помочь тут?

— Нужно выкосить бурьян. Можете косить? А то я только вид косарей видел.

— Косить умею. Почва пока влажная, деревья тоже. Ветра нет. Предлагаю просто подежечь.

— Я сам думал об этом, но все строения деревянные — вдруг загорятся. — Давай по-над домами выкосим, а середину выпалим.

— Не, я всё-таки побаиваюсь огня. Давай старым методом.

— Ну тащи косы, сейчас обучу, и за день мы все огороды освободим от бурьяна. Но это будет такая куча травы, что займёт целый огород.

— Вы будете косить, а я на маленьком участке жечь её. — Предложила Ника.

Фомичу потребовалось пол часа на восстановление кос, их заточку. Ещё пол часа ушло, чтобы я смог приноровиться к косьбе. И пошло. Под громкую музыку из динамиков Вольво, монотонно размахивая косами, мы с тестем быстро выкосили весь бурьян на огороде этого двора. Потом обкопали круг диаметром около десяти метров — чтобы огонь не перекинулся на стерню. Подожгли одну охапку, другую. Проследили за безопасностью, когда за дело взялась Ника.

Перешли на соседний участок. За работой и не заметили, как выкосили весь бурьян на этой стороне тракта. А тут и обед подошёл. Ника успевала и траву жечь, и картошку почистить. К обеду жаренная картошка с соленьями из погреба бабы Поли, дразнила аппетит смаком ароматов.

Двухчасовой перерыв и мы с Фомичом перешли на противоположную сторону дороги. Опять правка кос, временами нарывающихся на мусор в виде ржавых остатков металла. Здесь мы управились быстрее. К шести часам, когда приехали мама и Вера, бурьяна на участках не осталось.

Мои красотули сначала кинулись обнимать-целовать меня. Потом Фомича и Нику. Честно сказать, от непривычной работы мои спину и ноги ломило от боли.

Вера сразу кинулась готовить баньку. Ей помогала Ника. Они о чём-то весело перекидывались фразами. Иногда задорно хохотали. Вместо ужина устроили небольшой перекус. Я уже с трудом поднимал руки, выпрямлял спину. Поэтому три машины постояльцев принимала мама. Она и пришла последней в баню.

— Вера, сейчас я буду обучать тебя как делать расслабляющий массаж. Иди омой полки, достань банку мёда.

— А мне сделаете? — Хитро подмигнув, сказал Фомич.

— Конечно, Коля. — Мама сама ему подмигнула. Ника шумно задышала, нахмурила брови.

— И ты тоже, Ника пойдёшь с нами. Посмотрю, как ты запомнила урок.

— Толька я в ночнушке буду...

— А я в трусах. Ты, доченька, в чём?

— Мамуль, я как ты. — Вера массажировала мои руки.

Мы с тестем сидели полностью голые, мама и любимая в трусиках. Ника скрывала своё тело под ночнушкой. Разогревшись, мы вышли остудиться.

— Паш, пошли я сначала помогу тебе помыться. — Вера явно что-то задумала.

И правда. Минет, как сказала любимая, обезопасит мой срам, если я возбужусь от массажа. Мы с Верой освободили парилку для желающих смыть грязь. За нами пошли мама и Ника. О чём они там говорили я не знаю, но из парилки они вышли обнажёнными. Лишь Ника слегка прикрыла треугольник ладонью.

— Коля, тебе тоже нужно помочь помыть спину. — Мама говорила с явным возбуждением.

— Я не против женской помощи в таком серьёзном деле, как очистка органов от застоявшегося шлака. — Видимо житейский опыт сказывался на правильном построении фразы в форме шутки.

Ника грозно пыхтела, но высказать угрозу не могла.

— Ника, а вы сможете ещё на сутки задержаться? — Любимая отвлекала сестру от дум.

— Да, можно. Пока заявок нет, а этот груз до среды следующей недели нужно доставить. А что?

— Соскучилась я по вам. Павлу нужно разобрать старые сараи, нужники на дрова. Пусть папа поможет. А ты машину глянь, может что-нибудь разболталось.

— Гляну, а потом мужикам помогу. Не хочу чоб папа опять поясницей маялся.

Я, расслабив спину, полулежал, облокотившись о стенку. Сёстры говорили меж собой.

— Павел, иди грей мышцы. — Пред нами появилась Зинуля. Пляшущие огоньки в глазах восстановили в моей памяти наши первые коитусы.

— Да, Паш, пошли, я с тобой. — Верочка помогла мне выпрямиться. В парилке Вера сказала:

— Мамочка трахнула папочку. Я обратила внимание на её взор и на опавший пенис папы. Я её ревную, а ты?

— Уже нет. В первый раз, когда она поехала отмазывать меня от службы, ревновал.

— Там, Р-во, мы с вечера до полуночи шалили. Она мне столько интересного рассказала о своей жизни. Но мне запрещено делиться секретом с тобой, мой любимый... О, мам. Паша, ты согрелся? С чего начинать, мам?

— Нагони ещё жару на его спину..., да вот так, как опахалом. Сынок, не кряхти, ещё не то будет. Так. Пары минут хватит. Теперь сильно похлещи, пусть боль перейдёт на кожу... Ноги... Ага, так... Вера, как ты думаешь, у него сейчас стойт?

— Я ему полчаса назад минет делала. Не стойт!

— Когда я впервые парила его таким образом, тоже помогла ему избавиться от эрекции, но после паренья у него стоял. Паш, переворачивайся.

Естественно у меня была эрекция.

— По-моему, наш мужчина притворяется, ему сразу, как только он нас увидел, захотелось вот такой ласки. Я права, Паш?

— Возможно это у меня чисто психологически. Подсознательно, так сказать. И долго я так буду лежать?

— Мама! Ты уже почесала письку. Теперь моя очередь. — Вера помогла мне перелечь на нижний полок, оседлала мой орган. — Как он, кстати, как мужчина? Твёрдый у него?

— Коля... ? Я же тебе говорила, что размер и качество эрекции не первичны. Я женщина опытная, знаю, как подстроиться под мужчину. Хочешь попробовать его сперму? Она ещё во мне.

— НЕТ!!! Не требуй от меня измены мужу с чужим мужчиной.

— Какой же он тебе чужой? Это же твой папа.

— Вы мне ближе чем он... Потому! Не отвлекай пожалуйста, потом расскажу. Давай, родненький, давай.

Я тоже сосредоточился на акте, подмахивал Вере. Сегодня можно не предохраняться, поэтому излился, в ставшее родным влагалище. Мы посидели ещё, затем мама и Вера мазали моё тело мёдом. Мама показала снохе, как расслаблять мышцы спины.

Что там происходило в предбаннике мы не видели, но когда вышли, то по глазам Ники можно было понять, что она плакала. После чаепития в парилку ушли мама с Никой и Фомичом.

— Любимый, если ты хочешь трахнуть Нику, я не буду против... , просто поскучу. Но от меня подобного не проси. Я не могу даже представить чужой член в себе.

— Не хочу я трахать Нику. Так почему же он чужой?

— Я вам с мамой потом расскажу. Хорошо... ? Я тебя сильнее люблю, мой сладенький. Чем ты тут без нас занимался?

Я рассказал о чтении писем и просмотре фотографий. О том напоминании — «Если будет тяжко, помни о нужнике»

— Какие твои мысли насчёт этого? — Верочка гладила мою голову, пока я лежал на лавочке.

— Да бред какой-то!

— Но ты же понимаешь, что письмо с фронта — это не шутка и не бред. Моё предположение... всего лишь предположение — там спрятали заначку на чёрный день. Как говорится — хочешь поближе взять — спрячь подальше. Возможно, что прятать накопленное пришлось в спешке, поэтому просто кинули в туалет, а потом боялись достать, сберегая всё до лучших времён. Нужники всё равно разбирать, начнём с того.

— А если тот, о котором идёт речь, уже закопан? А этот стоит на новом месте?

— Мамочка подскажет. По крайней мере ради приключения, можно перекопать весь огород.

— Кстати! Папа и Вера подарили нам металлоискатель... Нашли на месте аварии.

— Ты слышишь? По-моему, это Ника стонет. Мама, что её при папе сношает?

— Или они одновременно. — Я не хочу раскрывать, что следил за Никой и Фомичом.

— Скорее всего ты прав. Получается, что они, я имею ввиду папу и Нику, занимаются инцестом!

— Да, как и я с Зиной.

— Опупеть... ! Мы с мамой обсудили план по кормёжке водителей. Это, кстати, на много прибыльней чем ночлежки. Продукты закупать напрямую у сельчан. Здесь есть старые ледники... , да, да. Ты разве не знаешь, что раньше, когда холодильников не было, то зимой заготавливали лёд для хранилищ под землёй. Конечно без бытовых и промышленных не обойдёмся, но ледников хватит для хранения овощей, которые мы будем закупать осенью, после сбора урожая, когда предложение будет превышать спрос. — Я согласен, милая. А насчёт помещения? Я думаю, может списанные автобусы. Как в американских фильмах.

— Тоже дельно. Если сами не будем справляться, то можно будет нанять работницу. Посуду там помыть, овощи почистить.

— Да, это грязная работа, которую я своей рабыне не могу позволить выполнять.

— Да, я рабыня для сексуальных утех, моего милого господина, и мои ручки не должны царапать его тело.

Из парилки вышел Фомич. Он хитро улыбался. Присев на лавочку сразу облокотился о стену. Именно так я выгляжу, когда наступает апатия, которая, согласно присказки есть отношение к сексу, сразу после секса. С улицы послышался гудок тягача. Вера хотела идти, но я не позволил. Быстро накинул одежду, надел обувь и пошёл к клиентам.

Ника.

Я не хотела идти скопом в баню, но папа ведь пошёл. Потом я не хотела оголяться, но папа оголился, Вера и Паша тоже. Когда мы зашли мыться с Зиной, то она сказала, что страдает без мужней ласки, и попросила, чтобы я не ругалась если она трахнет папу.

— Вы хотите, чтоб папа выебал вас? — Не я ведь ебу папу, а он меня. Поэтому я переспросила.

— Да, пусть будет, что он трахнет меня.

Вот что мне было делать? Сказать, что он мой муж? Так об этом нельзя говорить никому! Как сказать этой... нехорошей женщине, что я категорически против? Может намекнуть папе, чтобы он не поддавался на еёные соблазны? Мне пришло тока кивнуть.

Они зашли в парную, а я сидела с Верой и Пашей. А когда вышли папа и Зина, то я щуть не сошла сума.

Мой любимый муж, сиял как три копейки. Плохой! Не хороший! Предатель! Вот ты кто!

— Коленка, как ты мог? — Начала я плакать и говорить, как тока Зина с детьми зашли в парную.

— Вероника! — Я уже знала, что он начнёт говорить серьёзно. — От меня ведь не убыло. А Зина одинокая женщина, ей охота мужской ласки. Не ревнуй. Хочешь, чтобы Паша бросил тебе палку?

— Не хочу!!! — Громко прошипела я. — Ты — мой мужчина. Я не блядь!

— И Зина не блядь. Всего лишь вдовушка, которая отдала жизнь, на то чтобы вырастить сына. Посмотри, что она сделала с Верой. Да она же цветёт, наша сестрёнка! Уже замужем. А с тобой мы обязательно родим ребёночка, ты станешь очень хорошей мамой. Ты самая добрая женщина на свете. Не серчай, любимая. Хорошо?

— Хорошо, Коля. Но только с Зиной и всё! Я помру ежели ты ещё с кем-нить.

Потом мы пошли трое париться и делать массаж папе. И тут началось...

— Ника, ты почему не следишь за своей интимной зоной? — Спросила меня Зина, пока папаня лежал на верхней полке.

— А что такое?

— Почему волосы на лобке такие длинные? Брызги мочи остаются на волосах. Скапливаются

микроны. Воняют. А у тебя сидячая работа, микроны могут проникнуть во влагалище. Давай я тебе побрею.

Я уже обратила внимание, что у неё и Веры письки голые. Согласилась. Папа сверху посматривает, хихикает. А у меня от этого в пизде мокро стало. Щитай двое суток не ёбана. Зина мне письку бреет, и иногда клитор задевает. Я уже дрожу, еле на ногах стою.

— Сядь на полку, придержи ноги за пяточки, я тебе всю письку отскоблю.

Мне так приятно, что она такое мне делает. А папа, греховодник такой, опустился на эту полку и помогает Зине растягивать мои губки на пизде. А у самого хуй прям звенит от стояка.

— Коля, ты погляди какая твоя дочь молодая. Как девочка. — Говорит Зина и запускает палец мне в пизду, вынула ево и пососала.

Я так и прихуела. Ноги мои в потолок задраны, а она опять палец окунула и папе даёт попробовать. Мало мне таково, так она начала языком пизду лизать. Облизнет каплю, повернёт лицо к папане, даёт ему слизнуть. Потом папаня сам начал лизать и ей передавать. Что они со мной делали, это так ахуительно! То она лизнёт, то он. Потом она начала целовать меня в губы, которые на лице. А папаня те, которые на пизде. Я уже кончила сотню разов, ору будто целки лишаюсь.

Папаня видимо тоже не может, хощет кого-нить выебать. Зина стала раком, лижет мою пизду, а папаня ебёт её. Хуяк, она и отвалилась. Прям вот так ёбнулась на пол. Нихуя себе оргазм у женщины. А папаня не кончил, начал меня доёбывать. И мне тоже пиздец пришёл. Прошу любимого дать передышку, он положил Зину на пол и кончил в такой позе.

Вот это он у меня жеребец — двух баб до оморока выеб. Помог Зине подняться. Облился водой из таза, с довольной мордой пошёл к Вере с Пашей.

— Зиночка, ты ахуительная женщина. Меня ещё никто не лизал. Только я сама сосала.

Можно я у тебя лизну?

— Ты прямо обязана сделать это. Тогда мы совсем породнимся. Там его сперма. Слижешь?

— Конечно, не впервой его сперму пить. — Говорю я. И тут понимаю. Блядь! Я проговорилась. Да и хуй с ним. Ведь она ужо видала как он меня ёб.

— Слижи чуточку языком и дай мне, я ведь его сперму ещё не пробовала.

Пристроилась я к еёной пизде и начала лизать. Хуй конечно лудше сосать, но и так заебись. Наберу на язык сперму и передаю Зине в рот, она сосёт ево, слизывает сперму. Зина опять кончила быстро. Я помыла манду, ополоснулась. И только потом она встала. Я помогла ей помыть манду еённую, омыла тело от пены. Вышли в предбанник.

Вера

Пашенька ещё не вернулся. Папа начал засыпать. Я решила помыть чашки, ложки. Надела трусики, футболочку на голые сиськи. Решила так пока походить.

— Дедушкин дом я не стал сдавать в ночлег. Где мама и Ника? — Сказал мой любимый, вернувшись с улицы.

— Они ещё в парилке. Я заглядывала. Ника целует маму. Значит скоро выйдут. Я сейчас оденусь, и мы пойдём готовить ужин.

— Ты платье забыла?

— О, точно принеси пожалуйста.

Пашенька пошёл в дом, а я разбудила папу.

— Пап, одевайся, скоро ужинать будем... Они ещё милуются. Пап, у меня одна просьба. Не предлагай Павлу, чтобы он трахнул Нику.

— Я же не развратник совсем.

Почему-то я не поверила ему. Из парилки вышли две звезды. Обе сияют не меньше Солнца. Сразу присели на лавку, выпили по полбокала чая.

— Девушки, — говорю им, — не засиживайтесь. Народ кушать хочет.

Скоро мы начали вечернюю трапезу. Папа пил водку. Мамочка с Пашей и Никой пили вино. Мне нужен ясный ум. Чтобы осмыслить последние новости.

Ещё полгода назад, я разговаривала с одноклассницей. Я посетовала что худа, а Ника полная. Тогда она посоветовала сдать тест ДНК. Мол вероятна подмена младенцев. Перепутали там или специально. Татьяна дала номер телефона её знакомой, которая работает в такой лаборатории. Та сказала, что нужны образцы либо слюны, либо волоссяных луковиц. Я вырвала несколько волос у папы. Положила в специальную баночку, которую купила в аптеке. Подумала и вырвала столько же у Ники. И пучок своих волос, я тоже положила в третью банку. Сдала образцы, уплатила шесть тысяч рублей. Мне пообещали скинуть результаты на «мыло».

С этими поездками я и забыла обо всём. И вот когда приехала домой за вещами, то прочла. Полный абсурд. Ника моя сестра. Наши ДНК совпадают на 50%. А вот с папиным образцом сходности всего пять процентов, что принимается как слишком дальнее родство, на уровне сотню раз пра-пра. То есть он не мой отец. В том же заключении, говорится, что родство между папой и Никой безусловное — он её отец.

И что мне теперь делать? Кто мне объяснит, как такое возможно? С Никой мы сёстры, а с папой нет. Нужен совет мамы. Я могла поговорить с ней в машине, но хочу, чтобы мои близкие были рядом в это время. Теперь жду, когда папа и Ника пойдут спать в тот дом.

— Верочка, родненькая, ты не прихворнула? — Мамочка.

— Да, любимая, что-то ты не весела. — Любимый.

— Сестрёнка! Ты не беременна? — Ника.

— Доча, что правда? — Папа.

— Наверное, дорожная усталость. — Вру я. — Паш, давай прогуляемся? Вечер такой замечательный.

Павел начинает одеваться, я тоже. Мы долго бродим по двору, смотрим на звёзды. Он называет некоторые созвездия, в которых я полная идиотка. Прогулка помогла мне забыться, я повеселела, хотела, когда он начал кружить меня. Когда вернулись в дом, папа и Ника уже ушли. Мама практически всё убрала, осталось расстелить постели. После гигиенических процедур, мы сели кружком на нашей с Павлом кровати. Я начала рассказывать о своей проблеме, спросила, как такое возможно.

— Сто процентов, не качественный анализ. Или ты перепутала образцы, или в лаборатории.

— Загорелся мой родной.

— Тогда почему наши с Никой Дэ-эн-ка схожи? И её с папиными?

— Доченька моя. Успокойся, родная. Что тебя смущает? Не знаешь ответа? А может он тебе и не нужен. Что тебе даст знание? Возможно только боль. Вот если бы ты узнала, что ты детдомовская и тебя воспитал Коля. Ты бы стала хуже к нему относиться?

— Он достаточно сделал, чтобы мы считали его своим отцом. Но, мам, может это червь? Может он изменил мою Дэ-эн-ка?

— Дэ-эн-ка изменить невозможно. — Мама прижимает меня к своему плечу. — Не плачь, милая. — Она ещё некоторое время молчит, ласкает мои волосы. — Значит, Николая ты

любишь как человека, воспитавшего тебя... ? Отлично! Люби, уважай. А с мучающим тебя вопросом мы решим так. Твоя биологическая мать зачала вас от двух мужчин.

— Её сношал и папа, и кто-то другой? Одновременно? — Голова моя кружилась как волчок.

— Почему же одновременно. Повторное оплодотворение яйцеклетки возможно в течении двух дней после первичного. Такие случаи описаны в медицинских журналах и сайтах.

— Получается, что я нагулянная! Пипец! Вы... , вы... , — я пытаюсь построить фразу.

— Прекрати! Немедленно прекрати! — Мама прикрывает мой рот ладошкой. — Даже если бы ты была дочерью проститутки, мы бы не любили тебя меньше. Родненькая наша, прими это как шутку судьбы. Всё... ? Моё ж ты солнышко.

— Мы тебя любим, родненькая. — Этот шёпот тоже мне нравится.

— И я вас люблю. Пашенька, извини, родненький, но маму я люблю больше. И прошу простить меня за дурость. Только не говорите больше никому. Не хочу, чтобы они страдали.

— Павел! Эта женщина должна подвергнуться наказанию множественными оргазмами.

Моими и мамиными чулками меня распяли на кровати. Вылизывали писю, высасывали жидкости из неё, трахали двумя членами во все дыры. И когда я уже обессиленная параличами оргазмов, взмолилась о пощаде, меня развязали. Нобелевской премии. — Там могут быть и документы, которые на воздухе разрушатся. — Сейчас настрою металлоискатель на анализ драгметаллов. — Мой Пашенька.

Он побежал к тому месту где оставил прибор. Мама послала меня за весами, на которых мы взвешиваемся почти каждое утро.

Мы оба вернулись одновременно. Шкала металлодетектора указывала на медь, серебро. Вес с тарой — 24 килограмма сто грамм.

— Если учитывать, что дерево, а это дуб, напиталось водой, то где-то килограмм пятнадцать нетто. — Рассудил папочка.

— Вскрываем? — Теперь Паша спросил.

— Нужно хотя бы от солнечных лучей прикрыть. — Теперь вмешиваюсь я. — Давайте в сарай занесём и там вскроем.

Все согласились со мной, умницей. В сарае мужчины пытаются подковырнуть крышку. А ларчик то не просто открывается. Ника, применив нецензурную речь, предложила... грубо изнасиловать сундучок. Папа приготовился к этому, поднял... топор.

— Вы чего? Да тут один сундук не меряно стоит. — Меня поглаживает по голове мама. Ну я же умница. — Он с секретом. Нужно внимательно его осмотреть. Несите его опять на свет. Опять освещение солнцем. Каждый из нас осматривает, ощупывает сундучок. Тот, кто его прятал в дерьме, должен был знать, что со временем секрет мог заржаветь на столько, что потом трудно будет его открыть. Либо полностью доверять изготовителю, который мог гарантировать исправную работу механизма. Вот только мастер не мог знать в каких условиях изделие пролежит возможно полвека, а то и век.

Папа всё-таки применил инструмент — отвёртку. Подсунул её под железную окантовку у низа крышки. Со скрипом пластина отогнулась. С другого бока сундука такая же операция. Опять скрип.

— Это гвозди скрипят. — Сказал мой муж.

— Это металл о металл трётся. — Опыт водителя не пропьёшь. — Теперь пробую поддеть. Если пойдёт, накрываем брезентом и несём в сарай.

Да, крышка пошла. В сарае её окончательно открыли. Сундук полный... влаги. Паша влезает

в неё рукой, достаёт монетку. Потом ещё одну.

— До половины полон монетами. — Говорит он, пощупав во влаге.

— Нужны специалисты. Тот, кто знает, как достать монеты, не подвергнув их окислению воздухом. Ну и нумизмат, который сможет оценить это богатство.

— И ещё историк, который сможет оценить историческую ценность самоваров, икон и много другого из быта моих предков. — Заключает Павел.

Сундук опять закрывают, но не на секрет. Укрывают брезентом и оставляют в сарае, который решено пока не разбирать. В отличии от сарая на участке деда Макара.

Павел.

С помощью Фомича, лома, топора и такой-то матери, сарай деда Макара разобрался за три часа. Нужно ещё повыдирать гвозди, но это можно в процессе распила на дрова. А пока складируем доски на выкошенном огороде.

— Начнём следующий? — Спрашивает тесть.

— Всё, мужчины хватит. — Подошедшая вовремя мама тормозит нас. — Паша сам потихоньку разберёт.

— Мать права, Паш. Нужно поберечь силы. — Он прижимает маму за талию к себе.

— Вот какой понятливый мужчина. Коля, снова банька! Тебе опять нужно расслабить спину — завтра в путь.

— Да с такой красотулей я хоть целый день париться буду. — Он удостаивается чмока в щёку.

— А ты, сынок, сможешь париться с женой целый день? Ха-ха-ха.

— Стойте! — Лицо Фомича стало серьёзным. — Зин, Паш, не считите за блядство. Но я хочу, чтобы Паша заделал ребёнка Нике. Вы уже, наверное, догадались от кого она была беременна? Так вот мы с ней будем считать этого ребёнка нашим.

— А она согласится? И срок ли сейчас?

— Я подсчитал, должен быть срок. Ты ведь её уговоришь, Зин? Меня она не послушает,

— Паш, ты как?

— Мам... , отец, я дал себе зарок...

— Сынок, она же нам не чужая, хочет ребёнка. И Ника, и Вера станут хорошими матерями. Я с ними поговорю по-женски. Коль, но хочу предупредить — здесь рождаются только девочки. Хочешь девочку?

— Мне без разницы. Лишь бы Ника счастлива была.

К нам подошли сёстры.

— Чего вы тут шепчетесь? — Прозвенел колокольчик.

— Они наверно, ещё один клад нашли.

— Мужчины, идите готовьте баньку, а мы по-женски поsekretничаем.

Фомич поблагодарил, что я его назвал отцом. Обещал быстрее вернуться и помочь с работой по хозяйству.

Пока грелась баня, мы с отцом принесли старый диван, поставили его вдоль стены в предбаннике. Стало тесновато, но пройти не мешает, зато теперь можно нежиться после парилки, не облокачиваясь на голую стену. Потом к нам вернулись женщины. Ника смотрела на отца очень неопределённо. Чувствовалась ломка сознания — видимо подсознательно девушки решили быть полной противоположностью родительницы, изменившей им. Ну что ж достойный пример детям. При взгляде на меня искала на моём лице грязную ухмылку, означающую что я считаю её... да, блядью. Я так не считал, так что строить лживую гримасу

мне не пришлось.

Вера поцеловала меня в губы и сказала:

— А через три года рожу и я. Посмотрим какую красавицу ты состругаешь.

— Наша с тобой дочь будет самая красивая.

— А мальчика зачинать мы поедем на курорт.

Говорили мы довольно громко, нас слышала мама.

— Надо же и дедушке настоящего помощника родить. Коль, ты как к мальчишкам относишься?

— Не знаю, милая. Я ведь всю жизнь с девочками прожил. Вот ты с сыном прожила, хотела бы дочь?

— Это явный намёк, что ты хочешь от меня дочь! У меня вот уже есть доченьки. Но о дочери от тебя я подумаю. Ника позволишь папе?

— Пиз... , ой простите. Одно бабьё будет у нас!

— Хочешь мальчика? — Динь-динь.

— Хочу. Но по курортам нам разъезжать некогда.

— Тебе придётся остаться у нас на пять дней, чтобы уже наверняка зачать. — Вера прижала плечо сестры к своему.

— Я в энтом не разбираюсь. Коль, ты сможешь сам отвести груз?

— А то я не возил!? Перекусить бы перед банькой, а чувствуя потом не до еды будет.

— Я как чувствовала — достала из морозилки кусок мяса. Вот для мужчин настоящий корм. — Мама опять эротично потянулась.

Отец в этот момент пожал ей ягодицу. Женщины ушли накрывать на стол, а мы начали обсуждать как пристроить к дому ещё комнату, в которой можно установить душ и унитаз. Начали даже делать замеры, но нас позвали перекусить. В доме пахло варившимся мясом. Для перекуса дамы соорудили бутерброды с ветчиной и сыром.

— А есть сосиски? — Спросила Ника.

— Сосиски для будущей мамы вредны. В них много усилителей вкуса, которые вредны организму. Вот ветчина лучше. — Мама подала ей слойку ветчины.

Затем настал черёд бани. В парную сначала зашли женщины. Парились минут десять, затем мы с отцом попарились. Когда собирались выйти в парную вошла мама.

— На экзекуцию! — Скомандовала она отцу. Тот полез на верх. А я вышел к сёстрам.

— Получается мы все тут переебёмся...

— Не матерись! — Сказали мы с Верой.

— Перетрахаемся. Вот у нас семейка!

— Я с папой не буду. И ты не будешь трахаться с Пашей. Ты будешь зачинать с ним ребёнка, а это абсолютно другие понятия.

— Ага! Ты ещё скажи, что ты ево подрочишь, а кончать он будет в меня.

— А что? Хорошая идея! — Бом-бом!

— Любимая, я против! Тогда вообще можно в презерватив кончить, и вылить её в Нику. Я против! Не надо отклоняться от эволюционного пути. Хороший секс — благополучное зачатие. Я так считаю.

— Простите меня. Это я так просто. Скоро менструация. Пойдёмте погреемся.

В парилке мама сидела на ягодицах отца и массажировала ему спину. Это вызвало ассоциацию моего массажа. Пенис задрал голову. Сёстры переглянулись, присели передо

мной на kortochki. Начали по очереди ласкать пенис язычками. Я стоял спиной к родителям, а когда оглянулся увидел, что и мама наслаждается органом отца. Вера с Никой временами целовались меж собой, мастурбировали мой пенис.

Мама уже лежала на полке, а отец засаживал ей с равномерным тактом. Вера тоже легла на нижнюю полку, Ника припала к её гениталиям. А я пристроился к её влагалищу. Из него бежало сплошным потоком, поэтому в рожавшую вагину я вошёл без труда. Подстроившись под такт Фомича, я долбил Нику, плотно ударяясь о её мягкую попку. Первой застонала мамочка — приближался её эшелон экстаз. Заголосила и Вера — появилась привычка кончать одновременно с мамой. Она держала Нику за короткие волосы и подмахивала в такт моим фрикционам.

И мы с отцом кончили одновременно, усадив сестёр себе на колени, целовал их по очереди, шептал глупости.

В предбаннике женщины заняли диван, а мы с отцом сели на табуретки. И тут за сигнализил клаксон.

— Я пойду заселю, отдыхайте. — Сказал я.

Пока заселял одних, подъехали ещё три большегруза. За час все дома оказались заняты. Дом деда тоже заселил.

Когда вернулся, то застал родственников пьющими чай и беседующими о чём попало. Вера сразу потащила меня в парную. Погрела веничиком, помассировала ручками. Ублажила анально.

— Низ живота болит. Может кровь пойти. Больно, а охота. Как тебе моя сестрёнка?

— Твоя писечка на первом месте, затем мамина.

— Может и её в попку... ? Нику, дурачок!

— Ты не последовательна — то хочешь просто зачатия, а тут предлагаешь противоестественное.

— Я ей сказала только, что, о анальном сексе. Она сказала, что хочет испробовать, но только с тобой. Пока с тобой.

— Ты не парировала мою реплику.

— Я же говорю, что это предменструальный каприз. Помнишь ведь я вчера тебе такое предлагала?

— А как к этому отнесётся папа? Вдруг он противник?

— Ты пока ходил, он мамочку в попу отшипилил. Во-о-от! Вижу положительную реакцию.

Сейчас я её сюда позову.

— Пусть сначала покакает.

— Точно! Вот у нас тут клизма. Иди пока настраивайся.

Я сказал маме и Нике что их зовёт Вера.

— Надо сюда квас и медовый сбитень носить. От чая в желудке булькатит.

— Сбитень однажды пил. Да, хороший напиток. Надо будет сказать женщинам пусть сделают.

— Чуть помолчав, я спросил: — А ты после того как отвезёшь товар, сможешь металлом отвести?

— Конечно, сынок. Даже может завтра погрузим. Там груза всего пол фуры. Мы ведь его попутным ходом взяли. Досками огородим металл от груза. Сделаем крюк до Челябинска, там найду куда сдать. Эх! Сынок, нравишься ты мне своим хозяйствским подходом.

— Ты мне тоже приятен. Сам воспитал девочек. Уважаю.

Через предбанник прошла Ника. Голышом вышла во двор. Вернулась. Бросив озорной взгляд на нас, вошла в парилку. Оттуда уже раздавались стоны моей жены. Мы не выдержали — зашли туда же. Вера стояла на выпрямленных ногах, на нижней полке, наклонив туловище ко второй. Сильно их расставив в стороны, выпятила попку. Мама облизывала её анус и губки. Ника опять заполняла кишечник водой из кружки Эсмарха.

Отец начал ласкать промежность мамочки. Ника потащила меня в предбанник.

— Жди, я щас.

Чтобы обмазать головку, зачерпнул мёд из баночки. Ника вернулась быстро, легла грудью на стол, растянула ягодицы. Мне осталось только проверить пальцем расслабленность ануса. Сказав: «Всё! Меня в эту дырочку пока нельзя!» из парилки вышла Вера. Глянула как я пристраиваюсь к анусу сестры, подошла, погладила её по сиськам, потрогала влагалище. Отодвинула меня, присев начала слизывать секрет межножья. Ника ещё выше приподнялась на пальцах ног, тем самым максимально оттопырив круп.

— Вкусненькая! — Вера облизала губы. — Давай теперь ты.

Я тоже присел, начал лизать промежность Ники. Да, чем-то вкусненьkim отдаёт слизь.

Из парилки вышли родители. Встали по другую сторону стола. Мама погладила расплощенную грудь Ники. Отец стоял апатично.

— Пашенька, я уже изнемогла... Давай.

Ника вставила один палец, мама с другой стороны ануса, второй палец, растянули сфинктер основательно. Так что мой лингам вошёл сразу до упора. Пальцы убранны, мне ничто не мешает таранить попку девушки. Поочерёдно меня поцеловали мама и супруга. А Ника принялась мастурбировать отцу. Придвинув тело к краю, начала сосать родной член. Он набухал на глазах, Ника уже давилась им, не забывая подмахивать мне. Верочка повалила маму на диван. Оттопыренная попочка сверкала анусом, из влагалища торчала нитка тамpons. Я, трахая членом сестрёнку, пальцем трахал анус Верочки. И кончил я тоже первым — сказывалась необычность ситуации.

— Эх, надо было в письку. — Сказала Ника, освободив член отца.

Он обошёл стол, вошёл в разработанный анус.

Я обошёл их, сел на диван, у головы мамы. Начал ласкать её грудь. Она перехватила мой палец, принялась его сосать. Вера третировала её влагалище и анус пальцами.

В помещении сильно пахло нашими потными телами, фекальным амбре. Перевернувшись на живот, мамочка взялась за оживление моего члена, сейчас выгляделевшего как отваренная сосиска. Вера тоже обежала стол, на котором Ника, мотая головой, доходила до точки невозврата, припала к пенису. Обоюдными усилиями сосиска перевоплотилась в то существо которое лишило невинности два ануса и влагалище.

Мамино влагалище с радостным пуканьем впустило его в себя. Вера, сказала, что пошла готовить ужин, предупредив, чтобы её супруга оставили для неё хотя бы полуживым. Смыла пот в парилке, вытерлась. Накинув на голое тельце платье, сунула ножки в туфли.

Отец пожалел Нику, которая просила быстрее закончить. Мамина задумка оказалась потрясающей — она уложила меня на спину, села влагалищем на пенис, взглянув на отца подала намёк, что её можно взять в задний проход. Он и закончил первым. Мама тоже устала, слезла с меня. Её место заняла Ника. Сказав: «Такая позиция не очень подходит для зачатия. Ложись под него!». Мама и отец задрали ноги Ники к потолку, открыв «Чёрную дыру», куда гравитация притягивает все тела. И затянула ведь. Ещё как затянула — влагалище упивалось

моим семенем, всасывало его из самых запасников организма.

— Пап, у тебя встанет? Хотя бы через неделю? — Спросил я, когда женщины пошли подмываться.

— Такое же ощущение, сынок.

Ника вышла первой. Оделась также как Вера, исчезла в проёме двери. Мама вышла, отёрлась полотенцем.

— Мужчины вы в состоянии омыться?

— Если скажем, что не в состоянии, понесёшь в парилку? — У него ещё осталось сил шутить.

— Как медсестра раненных бойцов понесу.

— Зин, иди к нам, посиди меж нами. Ты сама вся трясёшься от усталости.

Мама влезла меж нами. Мы положили ей головы на плечи. В таком полусонном виде нас застала Вера.

— Я думала, что вы опять мучите мамочку. Мужчины мыться, а вас милая дама, я попрошу хотя бы прикрыть аппетитную попочку.

Похихикивая мы выполнили приказ.

Вера.

Менструация подавляла всякое желание веселиться. Но я не хотела своим плохим настроением портить жизнь близким. Поэтому невпопад шутила, поражаясь дебилизму своих шуток. Поэтому бурчание желудка подсказало мне новое занятие. Вкусный и сытный ужин. Мясо уже отваренное, овощи почистить пять сек. Пришла сестрица, вместе с ней мы быстро наготовили вкусняшек.

— Пойду, позову наших.

— Погоди. Верочка, спасибо тебе. Я обязательно рожу девочку и назову её Верой.

— Ты же моя родная сестра, как я могу обделить тебя счастьем стать мамой? Надо сначала трусики надеть, как бы письку не простудить.

Мои родные спали. Да, мужчины сегодня натрудились. Я их разбудила.

Во время ужина обсудили задумку мужчин сделать пристройку к дому, чтобы зимой не морозить гениталии в нужнике. Щито-сборный каркас, обшитый ОСП, утеплённый геоватой. Наружная облицовка металлоксайдингом. Внутренняя — гипсокартоном с последующей укладкой кафелем. Мне показывали цену за единицу товара, в моём мозгу включилась ЭВМ, складывающая, умножающая все цены. К полуночи, когда мужчины начали зевать, были подсчитаны затраты.

Паша почесал затылок, папа подбородок. Мама сказала.

— Значит так. На хозяйстве остаются Паша и Ника, а мы втроём едем сдавать металлом. Товар на оптовых рынках закупаем. Верочка у нас самая прижимистая, добьётся больших скидок.

— Да, мам, ты права. Я думаю, что процентов двадцать можно скостить от этой суммы. А ты, сестричка, кормишь нашего Пашеньку, и чтобы забеременела мне!

— Есть, мой командир. Я и сараи помогу разбирать. Так что когдा вернётесь — муж твой будет сыт, не уставший и не пострадавший от полноты яиц. Как это по-учёному?

— Спермотоксикоз.

— После сегодняшнего вряд ли он случится. Опустошили вы нас, девушки. — Так, зевая как Паша, сказал папа.

— Папа спит со мной, а вы, девушки, согревайте моего сына.

***

Мы, женщины, поднялись рано. Нужно в дорогу напечь пирожков, собрать вещи. Мама наказала мне не надевать дорожные штаны. Красивые ножки тоже много стоят. Потревожить сознание мужчин-продавцов, чтобы у них в мозгах зашкаливало от похоти. Я рассмеялась маминому знанию.

— Похоже ты уже пользовалась таким приёмом?

— А то! Вот отрастут твои сисечки, так можно декольте по просторнее.

— Так может и Нику с собой возьмём. Ника, ты как сможешь показать свой товар?

— А почему бы не показать? Это ведь не поеба... Ой. Извините. Не переспать. Но мне нужно забеременеть.

— Да, я щучу. Мамочкина фигурка тоже отличная. Есть у тебя такая одежда, мам?

— Похоже с нашими талантами, оптовики нам ещё приплатят, за то, что мы просто поглядим на их товар. Так завтрак практически готов. Вера, вперёд.

— Куда она, мам?

— Поправляться, доченька. Каждое утро пьёт супержидкость. Сперму.

— А к папе кто из нас пойдёт?

— У меня приоритет. Я старше.

Я сосу родной пенис, поглаживаю мошонку и думаю, какая я счастливая.